

Увы, убивать вы способны, но не оживлять.
Фридрих Гёльдерлин

Текст на мемориальной доске
в честь Луиса Алетрино в лагере Маутхаузен

В Талмуде есть легенда о хасидеи умот ха-олам, праведниках народов мира, которых, как утверждает книга, в любую эпоху мировой истории насчитывается по меньшей мере тридцать шесть человек. В 1940 году двое из них находились в Каунасе, один — в Риге, один — в Стокгольме, один — в Кобе и один — в Токио.

Это история о консуле в Каунасе Яне Звартендейке. Я восстановил ее по рассказам его детей, по документам и рассказам очевидцев. Но один в поле не воин. Это одновременно история о трех других консулах и двух послах, которые осуществили одну из крупнейших в XX веке спасательных операций и чьих имен никто не знал. Эта история стала известна мне благодаря их детям.

Ян Броккен

1. Мистер Радио Филипс

Все значительное начинается внезапно и вызывает подозрения. Порой оказываешься перед немислимым выбором и должен принять решение в доли секунды. Еще не знаешь, но уже предчувствуешь, что от этого может зависеть дальнейшая жизнь. Как же поступить? За себя я не поручусь, и, быть может, потому я и зарылся в эту историю, словно кроет.

Ян Звартендейк услышал, как зазвонил телефон. Он уже вышел на улицу с портфелем под мышкой и ключом в руке, он только что запер контору и демонстрационный зал. Было около шести по восточноевропейскому летнему времени. На Лайсвес-аллее, Аллее Свободы, самом длинном и широком бульваре Каунаса, сквозь кроны деревьев просвечивало солнце. В витрине сверкали приемники, эмблемы — четыре звезды и три волны — отливали серебром. В городе его называли мистер Радио Филипс*, и в этом всегда звучала нотка восхищения, как будто он сам смонтировал эти приемники и снабдил их электронной трубкой и динамиком. Здесь, даже больше, чем в Нидерландах, радиоприемники считались предвестниками новых времен.

* «Филипс» (нид. Koninklijke Philips) — транснациональная корпорация, изначально семейное предприятие, основанное в 1891 году отцом и сыном Фредериком и Герардом Филипсами в нидерландском городе Эйндховене. Первоначально фирма «Филипс» специализировалась на производстве осветительных ламп с угольной, затем вольфрамовой нитью, впоследствии расширила ассортимент своей продукции, перейдя к выпуску бытовой техники, радиоприемников, электробритв и т. д. В конце 1930-х — начале 1940-х годов — когда разворачивается сюжет книги «Праведники» — «Филипс» имел производства и дочерние компании во многих странах Европы (*прим. перев.*)

Захолустным Каунас давно не назовешь, однако все телефонные номера умецаются в тонком справочнике. Что-то подсказывало Звартендейку: если он поднимет трубку, последствия не заставят себя ждать. В голове предупреждающе мелькнула дата: 29 мая 1940 года. Да, он обычный коммерсант — сорок три года, женат, трое детей, и всё же он иностранец, в точности не знающий, кому в Литве стоит верить. Везде, где было можно, Звартендейк держался на безопасном расстоянии. Стоит ему вернуться, отпереть дверь и поднять трубку, как из нее зазвучат все тревоги города, что едва удерживается на пороге войны.

Прирожденным героем Звартендейк не был. Ему недоставало тщеславия. Лучше всего поскорей отправиться домой. Передохнуть часок в саду с Эрни и детьми перед тем, как сесть за ужин. В Каунасе он уже третий год и знает: нужно ловить теплые летние вечера, иначе долгую зиму не пережить. Под яблонями ошалелый мир сжимается до облака вдали. Время от времени Звартендейк поддается искушению сбежать от действительности, — хоть это и глупость, продолжать верить в мир.

Целый день в конторе он чувствовал напряжение. Внешне все шло как обычно, если не замечать переполненные пепельницы. Посетителей нет, заказов нет. Угрюмое спокойствие. В половине шестого он отпустил по домам де Хаана и ван Праттенбюрга. Де Хаан, начальник завода по сборке радиоприемников, просиживал дни в конторе. С тех пор как приостановили сборку, он появлялся на заводе только с утра, чтобы рабочие могли убедиться, что он еще жив. Ван Праттенбюрг был делопроизводителем и финансовым директором. Занят он бывал лишь в конце недели, когда выплачивал жалование.

Делать в конторе было особенно нечего, кроме как нервно курить и поминутно выглядывать наружу. Весь город жил в ожидании Красной армии. Машевский сидел внутри, пока не увидел, как к витрине демонстрационного зала подошла женщина в чересчур легком летнем платье; он вышел к ней, будто собираясь ей что-нибудь продать, и немного поболтал с ней. По-немецки, по-литовски, по-польски или по-русски, Звартендейк не слышал, но знал наверняка, что Машевский спустился на улицу в основном затем, чтобы успокоить нервы.

В Каунасе царило затишье перед бурей. Каждую минуту в город могут войти танки и занять позиции у мостов через реки Нерис и Нямунас. Мысленно он уже видел, как советские солдаты проходят маршем по двухкилометровой Лайсвес-аллее, проложенной — о ирония! — в царские времена, чтобы придать пышность военным парадам. Это может случиться со дня на день. Со свободной, независимой Литвой будет покончено в тот же миг. Ее присоединит Советский Союз, в этом никто не сомневался.

Телефон все звонил. За целую неделю он не зазвонил ни разу. Наконец-то пришел заказ? Из-за угрозы войны у них снова нулевые продажи, дела так же плохи, как во времена кризиса, продолжавшегося в Литве до 1937–1938 годов. Он уволил пятнадцать рабочих радиозавода и еще двадцать перевел в резерв. За весь май они не продали ни одного приемника. Оставшиеся рабочие бесцельно торчали у пустых монтажных столов и ждали, что будет. В поисках новостей они слушали все станции, которые ловились на коротких волнах. Де Хаан рассказывал, что, услышав голос Гитлера, они делали радио громче.

Это не заказ. Кто позвонит сейчас, посреди недели около шести вечера, чтобы приобрести новенький приемник? Из Эйндховена звонить тем более не станут, с головной конторой Звартендейк вел дела письменно: позвонить по международной линии стоит примерно столько же, сколько съездить на поезде в Берлин. Это что-то другое, и это что-то не терпит отсрочки.

Плохие новости, конечно. Он надеялся, что не о Пите. Со своим братом-близнецом Звартендейк был связан так прочно, что, когда Пит за две тысячи километров простужался, он, Ян, начинал чихать. От брата уже месяц никаких вестей. А вдруг Пит был в Роттердаме 14 мая*? Если он не снимет трубку, то целый вечер и всю ночь напролет будет гадать, что случилось с братом.

* 14 мая 1940 года Роттердам подвергся налету немецкой Люфтваффе в рамках так называемой Голландской операции. После бомбардировки Роттердама, в ходе которой город был практически полностью разрушен и погибли более тысячи жителей, не имея возможности защитить Нидерланды с воздуха, правительство приняло решение капитулировать (*прим. перев.*)

А может быть, это все-таки связано с напряженной обстановкой? И не размазня ли он, если сделает вид, что ничего не происходит?

Звартендейк вставил ключ в замок, толкнул дверь, прошел через демонстрационный зал, бегом взбежал по лестнице в контору в бельэтаже, поднял трубку бакелитового телефонного аппарата и выдохнул:

— Добрый день! «Литувос-Филипс»...

— Звар-р-ртендейк?

Нидерландец, с южным раскатистым «р».

Звартендейк буркнул в ответ: да, он, и свободной рукой чуть ослабил галстук — едва он вошел внутрь, как вслед за ним в контору тут же проникла уличная духота.

— Говорит де Декер...

Имя он помнил смутно.

— Дипломатическая миссия Нидерландов в Риге...

Ах да, этот де Декер.

— Ваше превосходительство...

— Давайте без титулов, времена не те.

Он видел де Декера лишь однажды на приеме в президентском дворце, когда посол вручал верительные грамоты. Страны Балтии еще были независимыми, прием проходил, должно быть, весной 1939 года, за несколько месяцев до того, как Гитлер и Сталин заключили свой дьявольский пакт и точно в игре в монополию разделили между собой Польшу и Прибалтику. Де Декер был назначен послом в Латвии, Эстонии и Литве. В каждой из трех стран он был обязан представиться президенту и председателю парламента.

Рано постаревший мужчина, еще нет и шестидесяти, битый жизнью. Жена умерла вскоре после приезда в Ригу... Детей нет... Каково это, жить в стране, где не знаешь ни души? Как руководитель одной из немногочисленных нидерландских фирм в регионе Звартендейк счел своим долгом присутствовать, хоть он и терпеть не мог официальные приемы.

Лысына. Вытянутое лицо, горбатый нос, впалые щеки. На приеме Звартендейку сказали, что новый посол по рождению бельгиец, и он удивился. Во всяком случае, он не сибарит-бургундец. Скорее

человек, который никогда не жил с размахом и никогда не прекращал переговоров, пока не добивался желаемого.

А еще де Декер немногословен. Когда их представили, он пробормотал: «А-а, Филипс... И какой это по счету ваш пост за рубежом?» Звартендейку не хотелось вдаваться в детали, и он сказал только: «Я долго пробыл в Праге... Затем в Гамбурге». Неважно, что он представлял другую компанию... Посол коротко взглянул на него. «Гамбург? Я как раз провел семь лет в Дюссельдорфе на посту генерального консула. Мило, Германия... Вам она тоже пришла по душе? Или эти вскинутые руки вас слегка утомили?»

Звартендейку понравилось, что при этих словах де Декер не ухмыльнулся.

Когда Нидерланды капитулировали, что случилось скорее, чем ожидалось, де Декер остался при своей должности. Королевство Нидерландов еще не целиком поглощено Германией, еще остаются Нидерландская Ост-Индия, Кюрасао и Суринам, а правительство и королева не сложили полномочия, но отправились в изгнание.

Спустя несколько дней после сдачи посол прислал Звартендейку телеграмму с вопросом, останется ли Филипс в Литве. «Распоряжений о закрытии из Эйндховена не поступало», — телеграфировал Звартендейк в ответ.

Прежде они никогда друг другу не звонили.

— Звартендейк, давайте сразу к делу. Помогите мне. Мне позарез нужен консул в Каунасе.

Звартендейк помолчал. Потом сказал:

— У нас есть Тиллманнс, разве нет?

— Немец. Чтобы после вторжения и капитуляции интересы Нидерландов представлял герр доктор Тиллманнс, это же безумие! И какой немец! Вы знаете...

— Скорее его жена, она хоть завтра с цветами готова встречать Гитлера. Сам Тиллманнс, как по мне, не столь безнадежен. Он давно живет в Литве.

— Все, кто в Литве говорят по-немецки, поддерживают нацистов, вы это лучше меня знаете. Ладно, неважно, мне не пришлось увольнять консула; Тиллманнс, когда на нас напали немцы, сам отказался от должности в тот же день, десятого мая, и это делает ему

честь. Отставку Тиллманнса еще не утвердили. Я не могу ждать, мне *stante pede** нужен нештатный консул. Я недолго думал.

— Надо же. Какая честь!

Звартендейк спросил себя, прозвучало ли это с должной иронией.

— У нас сразу же будет помещение. Вы понимаете?

Ах, так вот в чем дело!

— Оставаться под кровом Тиллманнса мы больше не можем. Нам нужно немедленно освободить его дом. Ваша контора — прекрасное место для консульства.

— Вы исходите из того, что Эйндховен это одобрит?

— Вся верхушка «Филипса» находится в изгнании, равно как и правительство и Ее Величество королева.

— Вся верхушка, кроме Фрица Филипса и Гепэна, которые остались на своих местах в Эйндховене. Гепэн — мой прямой начальник. Вчера я получил от него письмо, которое он разослал всем зарубежным представительствам.

— И что он пишет?

— Не паниковать и работать как обычно.

— Полагаю, это иллюзия, Звартендейк. «Филипс», как и все крупные нидерландские фирмы, поставлен под немецкое управление. Но, если я не ошибаюсь, вы как директор компании «Литувос-Филипс» руководите самостоятельным предприятием и обладаете определенной свободой действий, верно?

— Вы хорошо осведомлены, господин де Декер.

— Это внезапно открывшееся вакантное место должно быть закрыто в ближайшее время. Понимаете?

— Я не хочу подводить вас, господин посол...

— Посланник. У Королевства Нидерландов нет послов, только посланники.

— Чем они различаются?

— Малые государства имеют посланников, большие — послов. Со времен Венского конгресса 1815 года Нидерланды имеют статус малого государства. Послы имеют преимущество перед посланниками, у них есть *preseance*, то есть они стоят выше в дипломатической

* Сейчас же, безотлагательно (*лат.*)

иерархии. В сравнении с послом Германии, Франции или Великобритании мне приходится довольствоваться малым.

— Вот видите, я ничего не знаю.

— Считайте меня послом, какая разница, меня здесь все так называют.

— Я очень хочу помочь вам, господин де Декер, но я решительно ничего не смыслю в дипломатии и консульской работе. Я понятия не имею, в чем она состоит и с чем связана.

— Да почти ни в чем. Продлить паспорт или помочь и посодествовать кому-нибудь из соотечественников. Возможно, выступить посредником в делах какой-нибудь фирмы. Мелочи.

Посол кашлянул, точно сам понимал, что слишком просто представил дело.

— Мне важно, Звартендейк, чтобы Нидерланды и дальше были представлены в Литве. Если мы закроем консульство, этот регион для нас потерян. Я также не стал закрывать консульство в Таллинне и дипмиссию в Риге... Я чувствую себя словно капитан на тонущем судне. Мне нужны помощники, одному мне не справиться... На нас много чего свалится... Национализации... Людские потоки... Здесь всех куда-то несет. Я спрашиваю вас, хотите ли вы быть нашим человеком в Каунасе.

— От всей души, ваше превосходительство, но я и в самом деле не знаю, как это сделать и что именно я должен делать...

— Тиллманнс передаст вам официальные документы и печати. И еще архив. Я пришлю вам описание обязанностей консула и вышлю письмом дальнейшие инструкции. Будет слишком сложно разобратся — звоните мне в любое время за мой счет. Я не хочу сгущать краски, но, ради бога, помогите мне. Скоро здесь начнется ужасное.

— Да, скоро будет война.

— И не только война, это...

— Крах.

— Именно. Звартендейк, нам стоит опасаться самого страшного.

— Вы можете на меня рассчитывать.

— Я вас правильно расслышал?

— Я не вполне осознаю, что будет дальше, но думать об этом мне не хочется.

— Прекрасно, Звартендейк. Отныне вы — нештатный консул Королевства Нидерландов в Литве. Я назначаю вас немедленно, направляю правительству в Лондоне письменный запрос об утверждении вашего назначения и представляю вас временному правительству Литвы. Отправляйтесь прямо завтра к Тиллманнсу, пусть он передаст вам бумаги.

— И все-таки один вопрос. У моей жены родной язык немецкий. Она родилась на границе Чехии и Польши, в городке, который в то время был частью Австро-Венгрии. Откуда вы знаете, что она подходящий человек? Мои дети учатся в немецкой школе, старшая дочь — в немецкой гимназии. Откуда вы знаете, что я подходящий человек?

Короткий смешок.

— Я разбираюсь в людях, Звартендейк. Мне было довольно одного взгляда на вас.

Так ли они разговаривали?

Семьдесят шесть лет спустя я стою в Каунасе на Лайсвес-аллее, номер двадцать девять и смотрю сквозь магазинное окно на то место, где Звартендейк поднял трубку.

Рядом со мной стоит его дочь Эдит. Тогда ей было тринадцать, а сейчас восемьдесят девять. Она держит меня за руку повыше локтя, чтобы не потерять равновесие, и твердым голосом говорит: тем майским вечером все началось именно здесь. Отец как раз запер демонстрационный зал, когда услышал звонок телефона.

Удивительно, но обстановка полностью сохранилась. Та же светло-коричневая обшивка стен, та же деревянная лестница, ведущая из демонстрационного зала в бельэтаж. Я вижу Звартендейка, как он стоит там с бакелитовой трубкой в руке. Благодаря Эдит я вижу его еще лучше.

— Папа сразу же проникся к де Декеру огромным доверием. Это было взаимно. Позже, когда обстановка накалилась до предела, папа часто звонил послу. В основном вечером, когда он, вконец измотанный, возвращался домой. Телефон висел на стене в коридоре, он бешено жестикулировал, колотил в стену ногой. Спустя пару минут я видела: ему стало спокойнее.

2. Последний отблеск мира

Звартендейк во второй раз запер демонстрационный зал. Новоназначенный консул выглядел неопрятно. Прежде чем открыть дверцу бьюика и сесть за руль, он поправил галстук. Звартендейк не выносил важничанья и жеманства, но одевался как джентльмен. Летом он носил легкий костюм, белую рубашку, жилет, светло-серый галстук и белый платок в нагрудном кармане. Ухожен до мелочей — следствие образцового воспитания. Звартендейк происходил из роттердамского аристократического рода. В представлении его родителей ничто не должно было указывать на упадок, особенно когда их дело, табачная фабрика, была на грани краха. Пиджак он снимал только по воскресеньям. Но оставался при галстуке.

Свою роль сыграла и Англия. С семнадцати до восемнадцати лет Звартендейк учился в школе-интернате для мальчиков в Рединге, в двух шагах от Оксфорда. Он мало чему там выучился, кроме как бегло говорить по-английски, но об одежде и внешности стал заботиться. Неряшливость говорит о бесхарактерности, утверждали его английские наставники. В Рединге, где было обязательно носить школьную форму, тот, кто ходил с непричесанными волосами и имел неправильно отутюженные стрелки на брюках, сразу же неприятно бросался в глаза.

Он завел мотор и кое-как поехал прочь. Машина была громадная. Четырехдверная, с подножкой. С высокой посадкой. Два запасных колеса наискосок за левым и правым передними крыльями, вплотную к капоту. Три боковых стекла и двойное заднее окно.

Этот бьюик «Роудмастер» достался Звартендейку от предшественника, Эдварда ван Бреды, которого отозвали в Эйнховен,

потому что тот сочувствовал нацистским идеям. Этим идеям ван Бреда набрался в Австрии, где с 1928 по 1933 год служил руководителем отдела продаж «Филипс Радио».

Как и Звартендейк, ван Бреда происходил из Роттердама, однако Эдди, так звучало его сокращенное имя, любил пустить пыль в глаза: ему требовался самый большой и самый дорогой автомобиль на Лайсвес-аллее, что, в общем, было просто: на всем бульваре даже в оживленную субботу стояли припаркованными не более четырех машин. Автомобиль Эдди был единственным «американцем» в городе и единственным, имевшим два запасных колеса и приборную доску из красного дерева.

Это была нелепо дорогая машина: на таком же «Роудмастере» ездил египетский король Фарук. Когда Звартендейк впервые сел за руль бьюика, внутри еще пахло кожей, а на счетчике значилось едва ли восемь тысяч километров. Его предшественник проездил на ней пару месяцев, не больше. Эдди перевели из Каунаса столь неожиданно, что тот подумал, не ошиблись ли в головной конторе.

Для супруги Эдди перевод мужа стал настоящим крахом. Она вела себя так, словно мужем ее был не Эдди, а самый большой начальник во всем «Филипсе». Госпожа ван Бреда ходила в самых броских мехах, о ней судачил весь город. На Эрну жена Эдди смотрела сверху вниз: она считала, что госпожа Звартендейк — не настоящая немка. И была права: Эрна, которую все в семье звали Эрни, не была ни полькой, ни немкой, ни чешкой, ни австрийкой. Эрни родилась в Центральной Европе, а потому всех кровей в ней было понемногу.

Ссор с ван Бредой у Звартендейка никогда не случалось. Ни намека на раздражение. Они были настолько разными, что сами собой держались подальше друг от друга. Ван Бреда считал его «так себе торговцем» и в качестве преемника предлагал головной конторе Машевского, «как раз такого лихого парня, который нам здесь и нужен». Звартендейк услышал об этом много позже, уж точно год спустя после того, как ван Бреде пришлось убраться восвояси. По счастью, Эйнховену нужен был нидерландец, так что кандидатура Машевского отпала. Лихие парни не вписывались в корпоративную

культуру; электроника, слава богу, требовала некоторого общественного положения.

Подозрительность, с которой руководство «Филипса» относилось к ван Бреде, возникла, когда 5 ноября 1934 года ведущий колонки каунасской либеральной газеты написал письмо директору концерна, доктору Антону Филипсу. Колумнист жаловался на сильную *Angehörigkeit des Hitlerismus**, которую демонстрирует *Herr Brede* <sic!>, и его фанатичные антиеврейские убеждения. Господин ван Бреда, писал литовский журналист, проводит больше времени в столичных увеселительных заведениях, чем в конторе. Обстановку на сборочном заводе журналист назвал бесчеловечной. Тесный цех очень плохо проветривается от ядовитых паров. Пока рабочие трудятся в губительных для здоровья условиях, ван Бреда в кофейнях и ресторанах строит из себя важного господина. Одетый в шубу (которую он затем запишет на счет «Филипса») он произносит длинные речи о положении в стране, излагает во всеулышание свои прогитлеровские взгляды и, не стесняясь, презрительно высказывается о евреях. По словам журналиста, чье письмо Антону Филипсу написано на великолепном немецком, но подписано так, что имени нельзя разобрать, в кругу литовских евреев о ван Бреде говорят с отвращением. Он и не скрывает, что всячески поддерживает «переселение» евреев.

Письмо сохранилось в архиве «Филипса» в Эйндховене. На полях — сделанная карандашом пометка Антона Филипса: «Выяснить, так ли это». О генеральном исполнительном директоре, отметившем 14 марта 1934 года свой шестидесятый день рождения и сорокалетний юбилей в компании, знали, что он одинаково вникает и в дела в масштабах всего «Филипса», и в мелкие пакости, способные бросить тень на репутацию концерна. От внимания Антона Филипса не ускользало практически ничего. Для транснационального предприятия с тридцатью тысячами сотрудников по состоянию на 1934 год подобное письмо было не более чем деревенской сплетней, однако Антон имел особое чутье на подробности,

* Приверженность гитлеризму (нем.)

заставляющие насторожиться. Он останется во главе предприятия до 1939 года, и, чем ближе война, тем строже будет следить, чтобы в «Филипсе» не прижились антисемитские высказывания или мероприятия, быть может потому, что его предки, покинувшие Германию в середине XIX века, были по происхождению евреями (и приходились родней Карлу Марксу, но это он со всей тщательностью скрывал). За семь лет до начала Второй мировой войны Антон Филипс начал переводить сотрудников-евреев в представительства компании в Южной и Северной Америке. Он спас, переведя в Лондон, доктора Мейнхардта, еврея, руководителя завода по производству ламп накаливания «Осрам», дочерней компании «Сименса», в которой «Филипс» имел неконтролируемый пакет акций. И еще он понизил в должности ван Бреду и других руководителей, имевших слишком радикальные политические взгляды или открыто сочувствовавших нацистам.

Бывший директор «Литувос-Филипс» получил в 1939 году должность конторского служащего в коммерческом отделе «Филипса» в Эйндховене. Летом 1941 года по ходатайству немецкого руководителя компании ван Бреда был отправлен в Софию в должности руководителя отдела продаж и помощника директора компании «Филипс-Болгария». После освобождения Эйндховена, в 1944 году, карьере ван Бреда пришел конец. Он был уволен немедленно, минуя сопутствующие процедуры. В короткой послевоенной характеристике менеджеров болгарского филиала под записью «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Э. ван БРЕДА» значится: «Член НСБ*, никоим образом не способен представлять интересы концерна за рубежом». Ван Бреда вернулся в Нидерланды без гроша в кармане и в 1947 году, сорока трех лет, умер от рака желудка.

Ревел мотор, в коробке передач скрежетали шестерни. Плавное вождение Звартендейку никогда не давалось. Он не имел

* НСБ (нидерл. NSB, de Nationaal-Socialistische Beweging) — Национал-социалистическое движение, пронацистская партия в Нидерландах. Основана в 1931 году, в годы оккупации Нидерландов (1940–1945) во время Второй мировой войны, являлась единственной легально существовавшей в стране партией. В 1945 году, после освобождения Нидерландов, партия была запрещена (*прим. перев.*)

водительского чутья. В Праге у него был водитель, а в Гамбурге он нарочно поселился в трех остановках от биржи, чтобы ездить на работу на трамвае. Сам Звартендейк сел за руль, лишь когда ему было за сорок. В Каунасе от него немного вреда. Автомобилей здесь, по правде говоря, скорее мало. Не то чтобы движения не было совсем: Звартендейку приходилось остерегаться трамваев, которые вразвалку спускались в нижний город и, кажется, вообще не могли останавливаться, бесчисленных конных повозок, вечно загруженных до отказа всякой поклажей, и, конечно же, толп пешеходов, которые переходили через бульвар наискосок. И все же в Каунасе, несмотря на сто двадцать тысяч жителей, сохранилось нечто провинциальное. Вильнюс, историческая столица, после провозглашения независимости Литвы в 1918 году отошел Польше, и правительство и парламент обосновались в Каунасе. Однако литовцы все так же называли город *laiknoji sostine*, «временной столицей», и все пышное и оживленное в нем было для них, разумеется, временным явлением.

Почти на пешеходной скорости Звартендейк объехал вокруг церкви. Этой церковью архангела Михаила он любовался каждый день. Ближе к вечеру свет великолепными мазками ложится на голубые церковные купола. В конце XIX века это была гарнизонная православная церковь для русских солдат, затем, во время Первой мировой войны, она превратилась в лютеранскую церковь для солдат немецких, и, наконец, после провозглашения литовской независимости, стала католической церковью для литовских военных.

Разобраться в истории Литвы стоило Звартендейку немалых усилий. Страну, бывшую в XV веке великим княжеством, столетиями перебрасывали между собой, точно мячик, крупные державы — Германия, Швеция, Россия и Польша. Проезжая мимо открытых кафе, можно было подумать, что находишься в Германии: в руках у мужчин и женщин пивные кружки. Кухня — тяжелая, жирная — тоже немецкая. Отличия замечаешь чуть позже. У литовок, как и у полек, часто смоляные волосы и темные глаза. Как и поляки, литовцы — ярые католики, они неукоснительно блюли веру и вместо преклонения колен перед алтарем ложились на пол, распростерши руки.

Так же набожны и евреи. Евреями была половина жителей Вильнюса. В Каунасе их меньше, но и здесь живет около тридцати тысяч. Из всех языков на торговых улицах чаще всего слышится идиш. Каждый день Звартендейк съедал сандвич в еврейской пекарне или пирожное в еврейской кондитерской. Большую часть дел он вел с евреями-лавочниками и евреями — сборщиками приемников.

Если присмотреться к зданиям и к тому, как чередуются каменные и деревянные дома, то и в этом Каунас сильно напоминал русский город. Все большое появилось здесь благодаря русским: тянувшийся вдоль реки городской парк, белоснежный музыкальный театр, самая большая в городе церковь и вокзал — массивное строение, хоть и был в нем всего один перрон.

Звартендейк отжал сцепление и снова переключился на вторую передачу. Заскрежетали в коробке шестерни. Сиди рядом с ним младший Ян, он бы страшно разозлился: при двойном выжиме сцепления Звартендейк опять слишком рано отпустил педаль. Ян в том возрасте, когда ему нужен отец-герой и на все руки мастер.

Ян, Ян, Ян... Старший сын должен был зваться Яном. Наверное, так заведено у аристократов. В семье Звартендейка это было высечено на скрижалях. Его самого называли Яном, потому что он родился на десять минут раньше Пита.

Дорога широкими извилами поднималась на холм. Там, где сливались две реки, центр Каунаса образовывал треугольник. Самый фешенебельный квартал города располагался на самых высоких холмах, на Зеленом холме, как говорили местные. Он круто уходил вверх. Зимой Эдит и младший Ян скатывались с него на лыжах, срезали путь, минуя повороты дороги, и делали гигантские прыжки. Порой за одну ночь выпадало больше метра снега.

Звартендейк поднялся на холм, свернул направо и въехал на аллею Перкуно. По обе стороны аллеи цвели сливы. Большая часть соседей сидела в саду перед деревянными виллами. Это был зеленый квартал, с высокими деревьями вдоль бульваров, широкими тротуарами, обсаженными кустарником, и множеством цветов вокруг домов. Лишь в конце зимы, как и во всем городе, здесь было месиво из грязи и снега.

Около дома номер пятнадцать Звартендейк свернул на подъездную дорожку. Эдит и Ян со всех ног бросились ему навстречу. Вот так всегда: если где-нибудь показалась Эдит, миг спустя появится и Ян. Или наоборот. Они были так же неразлучны, как и сам Звартендейк со своим братом-близнецом. Когда Эдит перешла в гимназию, а Ян остался один в начальной школе, *Grundschule*, некоторое время казалось, что связь между ними ослабеет, но, к счастью, обе школы помещались в одном здании, и брат и сестра каждое утро вместе спускались по ступеням в нижнюю часть города.

Эдит родилась в Праге, в детский сад ходила в Гамбурге, в начальную школу отправилась в Кралингене в Роттердаме, перешла в другую начальную школу в Роттердаме же, только в Схибруке, и затем еще в одну в Эйндрховене. В Каунасе она окончила *Grundschule* и перешла в гимназию. Любой другой ребенок сошел бы с ума, но для Эдит переезды во все новые города и новые страны были в радость. Как будто каникулы не кончаются, говорила она. Эдит была настолько непоседливой, что Звартендейк иногда спрашивал себя, в самом ли деле ей достался материнский характер, или же она притворяется. Как бы то ни было, Эдит находчива. И всегда первая ученица, неважно, ведутся занятия по-немецки или по-нидерландски.

Ян тоже не жаловался, если им снова приходилось переезжать в другой дом и в другую страну. Мальчишка одинаково любил Роттердам и Каунас. Или Прагу, которую знал в основном по каникулам. Каждое лето Эрни с детьми возвращалась в Чехословакию провести родных. Сам Звартендейк тогда садился на грузовой корабль и отправлялся на нем по Средиземному морю. Ты или родился в Роттердаме, или нет. Звартендейку было необходимо несколько недель в году видеть и вбирать в себя запах моря, иначе в центре Европы он не выдержит.

Не успел Звартендейк сделать и двух шагов, как Ян тут же бросился ему на шею. Он высвободился из объятий Яна, поцеловал Эрни и обнял Робби.

Робби родился в Каунасе, в Каунасе его и зачали в отеле «Метрополис». Не прошло и недели после назначения, но Звартендейк

отправился в путь — сходу приступить к работе и подыскать подходящее жилье. В Рождество Эрни приехала в гости к мужу. Звартендейк жил на полном пансионе в отеле «Метрополис» на Лайсвесаллее, от конторы метро в пятьдесят, не больше. Через несколько месяцев беременная Эрни с детьми перебралась к нему.

Из всех троих детей у Робби были самые красивые глаза. Голубые глаза матери. Бедой был его ярко-красный нос. Нос как у клоуна, шутили Ян с Эдит. У Робби, похоже, оказалась гемангиома, распространенная среди новорожденных кожная болезнь. Спустя четыре месяца после родов доктор Рабинович порекомендовал облучить младенца. Сделать это в Каунасе было нельзя: в местной больнице почти не было современного оборудования. Эрни раздумывала недолго и решила каждый месяц возить Робби в Нидерланды. Для Звартендейка это было целое дело: вначале Эрни ночным поездом добиралась до Берлина, затем дневным поездом ехала в Утрехт, она находилась в дороге больше суток, да еще и с младенцем, которому каждые четыре часа нужно менять пеленки. Но Эрни сказала: *Ach Mensch...** И Звартендейк понял, что никакими доводами жену не удержать.

В первую поездку — это было в январе 1940 года — Эрни провела ночь в отеле на Унтер-ден-Линден, где всегда останавливалась проездом. Но в Берлине ей теперь было плохо, не так, как раньше. Для описания обстановки в городе у нидерландцев имелось слово, которое Эрни было трудно выговорить, но которое хорошо передавало то, что она слышала вокруг: бравада.

В феврале она отправилась в Утрехт без остановки в Берлине. Двоюродный брат Звартендейка, работавший патологоанатомом в Городской и академической больнице Утрехта**, договорился о лечении в отделении рентгенотерапии. Эрни переночевала в доме брата, а на следующее утро снова села с Робби в поезд до Берлина. Затем через Кёнигсберг в Каунас.

* Эх ты... (нем.)

** В настоящее время Университетский медицинский центр Утрехта (нид. UMC Utrecht). Под настоящим названием больница существует с 1971 года (прим. перев.)

Эрни ни словом не обмолвилась, что ей тяжело, и, разумеется, ездила бы и дальше, если бы в марте Робби не получил слишком большую дозу рентгеновских лучей в лицо, которые обожгли ему нос целиком. «Пока остановимся», был совет доктора Рабиновича. Не последуй Эрни этому совету, они с Робби оказались бы в Утрехте, как раз когда в Нидерланды вторглись немцы.

После возвращения домой полагалось поиграть в футбол. Каждый вечер перед ужином, по крайней мере летом. Младший Ян не мог усидеть на месте: это у них семейное, Звартендейк и сам этим страдал. Во время учебы в пансионе в Ридинге он слал родителям письмо за письмом с мольбой прислать ему денег на новые бутсы. Деньги ему прислали не сразу — слишком много плохих отметок. Но Звартендейк все-таки добился своего и еще до конца учебного года смог купить себе и бутсы, и теннисные туфли.

Ян уже стоял наготове с мячом под мышкой. Сад был огромных размеров, хоть участок земли и был продан, и на южной стороне уже начал строиться дом. На днях Эдит спросила отца, почему в Литве работают только женщины. Удивительно, конечно, что на стройке дома не встретишь ни одного мужчины. Хотя до торжества коммунизма в Литве было еще долго, Каунас уже походил на Москву. Женщины работали на бетоносмесителях, клали стены и крыши. На сборочном заводе женщин тоже было больше, чем мужчин. Де Хаан считал, что они знают свою работу и что они точны.

В приходе домой есть что-то торжественное. Поносить Робби по саду. Послушать последнюю песенку, которую Эдит выучила на рояле. Перехватить Яна, если тот решит выбраться на карниз со своей скрипкой. Парень мог пикировать на ней часами; как-то Звартендейк сделал по этому поводу замечание, и с тех пор цыганские песенки Яна доносились с карниза. И все были довольны.

В семь часов Звартендейк кричал: «К столу!». Особых правил у него не было, но еда должна была стоять на столе вовремя. Летом — в семь часов.

Дом был такой большой, что им хватало и половины. На нижнем этаже жил хозяин, преподаватель литовского языка и литературы,

Оглавление

1. Мистер Радио Филипс	5
2. Последний отблеск мира	13
3. Потерять дело	26
4. Гаммы, кактусы	34
5. Эрни Кристианус	41
6. Между Прагой и Роттердамом	45
7. Алетрино	59
8. Сталин в витринах	67
9. Пеппи Штернхайм Левин	76
10. Натан Гутвирц	88
11. Решительно невозможно, но вдруг	96
12. Руководство для консульских служащих	104
13. Белый лайнер с черным корпусом	113
14. Своевольный Сугихара	120
15. Двор гаража Летукис	137
16. Товарищ Нина	141
17. Одобрено: отец народов и сиятельный карлик	148
18. «Пан Тадеуш»	159
19. Chanson gusse	167
20. Please forgive me, I cannot write anymore	172
21. Каждый за себя	176
22. Шведский канал	183
23. Дата, которую я проглядел	197
24. Где на востоке стоит Сион	205
25. Высланы и вызваны по радиосвязи	214
26. В Кобе, дом с зелеными ставнями	228
27. Зорах Вархафтиг	235
28. Зофия и граф Ромер	241
29. Чет — жизнь, нечет — смерть	249
30. Эскорт в Шанхай	253

Оглавление

31. Тайна Каунаса.	262
32. Маутхаузен	275
33. Похороны в черную.	280
34. Господин Фриц.	287
35. Грянули! Труба! Свисток! Выстрел!	295
36. С авеню Жофр в гетто.	310
37. Как много имен на стене	320
38. Все спокойно в Психиконе.	328
39. Выговор.	342
40. Желать знать	352
41. Под елью или под сосной	358
42. От спасшихся никаких известий	363
43. Исход из Египта	369
44. Кто спас одну жизнь — спас весь мир	377
45. Дело: Holland-977	381
46. Свадьба в Антверпене.	390
47. Камешки на могиле.	397
Источники	400
Список иллюстраций	424